

Установки по отношению к жертве у сексуальных правонарушителей

А. Д. Серов, аспирант кафедры юридической психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, младший научный сотрудник Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского (serov-up@yandex.ru)

К. В. Сыроквашина, кандидат психологических наук, доцент кафедры юридической психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, старший научный сотрудник Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского (syrokvashina@mail.ru)

И. А. Басинская, заведующая отделением Орловской психиатрической больницы специального типа с интенсивным наблюдением (opbstin@yandex.ru)

В статье освещаются культурные, социальные и индивидуально-психологические особенности формирования делинквентного сексуального поведения. Особое внимание уделяется такому фактору, как установки относительно жертвы у сексуальных правонарушителей. Предполагается, что представления сексуальных правонарушителей о действиях жертвы и ее убеждения часто не соответствуют им в реальности: обычное, не связанное с проявлением сексуальности, поведение жертвы интерпретируется правонарушителями как провоцирующее их на вступление в сексуальный контакт. Рассматриваются различные взгляды на причины формирования подобных установок. В статье также описываются некоторые социокультурные негативные стереотипы в сфере сексуальности. Представлены результаты эмпирического исследования, задачей которого было изучение установок сексуальных правонарушителей по отношению к изнасилованиям женщин, а также к сексуальным злоупотреблениям детьми. Полученные результаты позволяют сделать выводы о различиях в механизмах восприятия своей жертвы у разных типов сексуальных правонарушителей.

Ключевые слова: делинквентное сексуальное поведение, сексуальные правонарушения, установки по отношению к жертве у правонарушителей, факторы риска, изнасилования, сексуальные злоупотребления детьми, личность сексуального правонарушителя, гендерные стереотипы.

Сексуальные правонарушения отличаются от других видов противоправных деяний рядом специфических особенностей. Среди них: тяжесть данных правонарушений, преимущественно насильственный характер действий, широкий общественный резонанс, часто сопровождающий судебные процессы против сексуальных правонарушителей. Подобный интерес со стороны средств массовой информации и общества можно объяснить связью данного типа преступлений с вопросами грубого нарушения моральных и нравственных норм.

В той или иной мере сексуальное поведение подвергалось социальному контролю во все времена. В процессе развития человеческой культуры отношение к различным аспектам сексуальности видоизменялось, но практически всегда правовые нормы были тесно связаны с вопросами нравственности. Так, в начале Нового времени право во многом было сформировано на базе церковных норм. В связи с этим даже сами формулировки половых преступлений имели религиозное происхождение: «непотребство», «блуд», «содомия» и др. [1]. Постепенно отношение к сексуальности становилось более либеральным как на законодательном, так и на бытовом уровне. XX век можно назвать периодом сексологических знаний: происходит формирование естественнонаучных представлений о сексуальности. Во многом благодаря накопленным эмпирическим данным происходит нормализация различных, ранее считавшихся аморальными или первертными, форм сексуальности. Однако несмотря на то что общая тенденция XX века – демократизация сексуальности, нельзя сказать, что этот процесс проходил равномерно. В XX веке возникали также тоталитарные режимы, социальная политика которых имела выраженные черты сексофобии. К особенностям сексофобической политики можно отнести запрет на коммерческую эротику и искусственные аборты, уголовное наказание за гомосексуальное поведение, сведение на нет сексуально-эротического дискурса в науке, искусстве и обществе и т. д. Как показала история XX века – подобная политика является пагубной и лишь привносит в сферу сексуальности цинизм и лицемерие [1]. На сегодня отношение к сексуальности в западных демократических странах можно определить выдержкой из «Декларации сексуальных прав», принятой Всемирной Сексологической ассоциацией в 1997 году: каждый человек имеет право «полностью выразить свой сексуальный потенциал, однако исключая все формы сексуального принуждения, эксплуатации и злоупотребления...» [там же, с. 265].

Отношение к сексуальным правонарушениям также не было всегда однозначным. Например, с позиции первых законов, запрещающих изнасилование, данное действие воспринималось скорее как посягательство на собственность, чем наносящее ущерб женщине. Так, наказание обычно было серьезнее, если девушка принадлежала к высшим сословиям или была девственницей [2]. На сегодня практически во всех мировых законодательствах подлежат уголовному преследованию лица, совершающие любые насильственные действия сексуального характера или сексуальные действия, направленные против несовершеннолетних.

Сексуальные правонарушения против личности условно можно разделить на две большие группы, опираясь на возраст жертвы: правонарушения, направленные против детей, и правонарушения, направленные против взрослых. Жертвой изнасилования может быть как женщина, так и мужчина. Однако мужчины становятся жертвами сексуальных злоупотреблений значительно реже; к тому же подобные изнасилования имеют специфический характер (как правило, они

происходят внутри замкнутых мужских сообществ, таких как армия или тюрьма, и несут в себе смысл установления иерархических взаимоотношений), поэтому в данной статье мы не будем касаться мужских изнасилований. Таким образом, можно выделить следующие группы сексуальных злоупотреблений по их направленности: против детей и против женщин.

Практически все современные исследователи, занимающиеся вопросами сексуальных правонарушений, сходятся во мнении, что не существует единой природы формирования делинквентного сексуального поведения. Целесообразным является использование мультифакторного подхода, в рамках которого ни один из факторов не должен рассматриваться отдельно. Среди факторов, определяющих формирование делинквентного поведения, принято выделять социально-демографические факторы (пол, возраст, социально-экономический статус и образовательный уровень), употребление алкогольных и наркотических веществ, психические заболевания, детский травматический опыт и др. [5]. При изучении природы сексуального делинквентного поведения выделяют также такие факторы, как дефицит интимности и наличие сексуальных девиаций [7].

Вот уже несколько десятилетий особое внимание при изучении факторов, оказывающих влияние на формирование сексуального делинквентного поведения, уделяется особенностям восприятия образа жертвы сексуальными правонарушителями [3]. Предполагается, что содержания представлений сексуальных правонарушителей о желаниях жертвы и ее убеждениях часто не соответствуют им в действительности. Правонарушителям свойственно интерпретировать обычное, не связанное с сексуальностью поведение жертвы как отражающее ее сексуальные предпочтения и намерения. Существует ряд установок, на которые правонарушители опираются, принимая решения и оправдывая свое поведение. Данные установки снимают с них ответственность за совершенное деяние, частично или полностью перекладывая ее на жертву, а также приписывая жертве инициативу вступления в сексуальный контакт. Так, например, тот факт, что ребенок сел на коленки к взрослому, может быть воспринят правонарушителем как призыв к сексуальным действиям.

Формирование подобных установок часто происходит в раннем возрасте, являясь результатом детской травмы, как правило, связанной с сексуальным насилием. Подобные установки могут сформироваться также в результате участия или наблюдения за совершением насильственных действий над другими людьми [3]. Важная роль в формировании негативных сексуальных установок отводится социальному фактору, включающему в себя деструктивные мифы и стереотипы, преобладающие в обществе, а также уровень сексуальной культуры. Содержание подобных мифов и представлений различно в случае женщин и детей.

При изучении восприятия образа жертвы у сексуальных правонарушителей, совершивших изнасилование, важно помнить, что мужские и женские сексуальные сценарии отличаются один от другого. Мужская сексуальность традиционно содержит в себе элементы агрессивности. С древних времен существовали эквивалентные переходы: «охота – брачные отношения», «стрелок – жених», «дичь – невеста», т. е. образы охоты перетекали в образы брачных отношений [2]. Суть их заключается в том, что мужчина как бы «завоевывает» женщину.

И сегодня подобные стереотипы имеют широкое распространение, так, например, мужчина должен быть настойчивым при ухаживании за женщиной, должен «добиваться» ее. Отказ и сопротивление женщины часто вызывает у мужчины возбуждение, воспринимается им как часть процесса ухаживания, а женщина, в свою очередь, воспринимает настойчивость не симпатичного ей ухажера как знак любви и верности [1].

Однако часто мужчины и женщины воспринимают процесс «сексуального принуждения» по-разному. Мужчина относится к реальному сопротивлению женщины как к эротической игре; себя, в свою очередь, он ощущает не насильником, а соблазнителем. С этим связано и особое отношение к жертвам изнасилований со стороны общества. Люди, руководствующиеся традиционными гендерными стереотипами, в большей степени склонны извинять насильников и обвинять жертв, преуменьшая тем самым серьезность сексуального насилия [8]. Таким образом, общественные стереотипы порой оправдывают или снимают часть ответственности с насильника за совершенное им преступление.

Широкой распространенности аналогичных мифов и стереотипов о сексуальных правонарушениях, направленных против детей, в современной культуре нет. Сам процесс сексуального взаимодействия между ребенком и взрослым воспринимается как невозможный. Стереотипы в данной сфере ограничиваются ложными представлениями о сексуальной эксплуатации детей (сексуальные покушения на детей совершаются только в бедной, необразованной среде; подобные правонарушения совершают незнакомые с ребенком люди и т. п. [1]).

Ряд зарубежных исследований показал, что сравнение негативных сексуальных установок, касающихся изнасилования, у лиц, совершивших сексуальные правонарушения против детей и у насильников, не обнаруживает принципиальных различий. Однако при сравнении включенности в когнитивную сферу негативных сексуальных установок, касающихся растления детей, подобные установки были обнаружены лишь в группе растлителей [6].

Мы предположили, что сексуальные правонарушители при оценке поведения других людей, в том числе своих жертв, опирались на определенные негативные установки в сфере сексуальности. Мы предположили также, что существуют различия в отношении к женщинам и детям у правонарушителей, совершивших насильственные действия сексуального характера с женщинами, и у правонарушителей, совершивших сексуальные правонарушения против несовершеннолетних.

В качестве инструмента оценки установок сексуальных правонарушителей по отношению к жертве нами был выбран один из блоков методики SONAR. Методика оценки риска сексуального рецидивного поведения SONAR (The Sex Offender Need Assessment Rating – шкала оценки потребностей сексуальных правонарушителей) включает в себя блок, оценивающий установки по отношению к потенциальной жертве сексуальных правонарушителей. Блок состоит из двух частей: установки по отношению к изнасилованиям женщин и установки по отношению к сексуальным злоупотреблениям детьми. Испытуемым предлагалось оценить степень собственного согласия с высказываниями: в первой части – приписываемым

женщинам желание быть изнасилованными, во второй – приписывающим детям желание заниматься сексом с взрослыми; при этом в высказываниях обеих частей ответственность мужчины за совершенные действия минимизируется [4].

Контингентом нашего исследования являются лица, совершившие сексуальные правонарушения и проходившие комплексную судебную сексолого-психиатрическую экспертизу в Государственном научном центре социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского (22 человека), и лица, совершившие сексуальные правонарушения и находящиеся на принудительном лечении в психиатрической клинике г. Орел (10 человек). Всего были обследованы 32 мужчины в возрасте от 19 до 63 лет (средний возраст – 36 лет). Среди них 12 обвинялись по статьям, связанным с неправомерными действиями сексуального характера по отношению к женщинам, а 20 – по отношению к несовершеннолетним.

Анализ полученных результатов показал, что в группе правонарушителей, совершивших сексуальное насилие по отношению к взрослым женщинам, 67 % респондентов обнаружили высокий уровень согласия с высказываниями, приписывающими женщинам желание быть изнасилованными, а оставшиеся 33 % показали средний уровень согласия. В группе лиц, совершивших деликты против несовершеннолетних, высокий уровень согласия с данными высказываниями был обнаружен у 35 % испытуемых, средний – у 60, и низкий – у одного из опрошенных (5%).

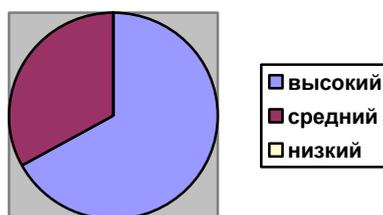

Рис. 1. Установки по отношению к изнасилованиям женщин у лиц, совершивших сексуальные правонарушения против женщин

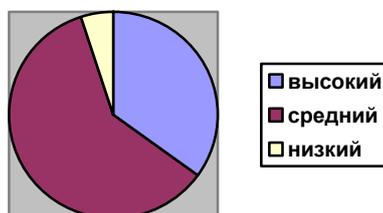

Рис. 2. Установки по отношению к изнасилованиям у лиц, совершивших сексуальные правонарушения против несовершеннолетних

Таким образом, среди лиц, совершивших правонарушения против женщин, процент показавших высокий уровень согласия с данными установками значительно выше, чем в другой группе (на 32). Но, несмотря на это, в целом можно

говорить, что большая часть респондентов в обеих группах показала толерантность к данным установкам.

При оценке установок по отношению к сексуальным злоупотреблениям детьми согласие с данными утверждениями оказалось значимо выше в группе совершивших преступления против несовершеннолетних ($p < 0,05$). 50 % испытуемых, совершивших сексуальные правонарушения против несовершеннолетних, показали высокий уровень согласия с высказываниями, приписывающими детям желание и инициативность в совершении действий сексуального характера с взрослыми, тогда как в другой группе высокий уровень был обнаружен лишь у одного респондента. Низкий уровень согласия с подобными высказываниями был обнаружен у 42 % лиц, совершивших правонарушения против женщин, и только у 20 % в группе, совершивших деяние против несовершеннолетних.

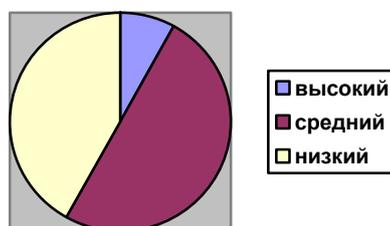

Рис. 3. Установки по отношению к сексуальному злоупотреблению детьми у лиц, совершивших сексуальные правонарушения против женщин

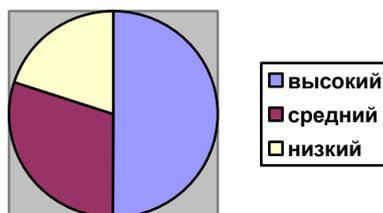

Рис. 4. Установки по отношению к сексуальным злоупотреблениям детьми у лиц, совершивших сексуальные правонарушения против несовершеннолетних

Согласие с высказываниями относительно детей явилось значимым дифференцирующим признаком в исследуемых группах. Наличие данных установок у лиц, совершивших правонарушения против несовершеннолетних, свидетельствует о включенности данных стереотипов в общий комплекс факторов, способствующих совершению сексуальных действий с детьми. Руководствуясь негативными сексуальными установками при оценке поведения своих жертв, сексуальные правонарушители полностью или частично снимают с себя ответственность за совершаемые ими действия.

Таким образом, негативные установки, приписывающие женщинам ответственность за совершенное, были включены в когнитивную сферу как

насилльников, так и лиц, совершивших сексуальные правонарушения против детей. Практически все респонденты, вне зависимости от типа совершенного ими правонарушения, показали высокий или средний уровень согласия с высказываниями, приписывающими женщинам ответственность за произошедшее изнасилование. Получившиеся результаты можно объяснить присутствующими в обществе стереотипами, суть которых заключается в том, что определенные модели поведения или внешнего вида, выбираемые женщинами, воспринимаются как провоцирующие. Подобные стереотипы благоприятствуют терпимости к сексуальному насилию.

Негативные сексуальные установки, направленные против детей, значимо чаще были включены в когнитивную сферу лиц, совершивших сексуальные правонарушения против несовершеннолетних, тогда как в группе лиц, совершивших изнасилование, включенность подобных установок практически отсутствовала. Важно учитывать, что стереотипы, снимающие ответственность с правонарушителя за сексуальные действия с детьми, практически не представлены в современной культуре. К тому же сам характер отношения общества к подобным действиям значительно строже, чем к изнасилованиям. Несогласие испытуемых из группы насильников с высказываниями, приписывающими детям желание и инициативу вступать в сексуальный контакт с взрослыми, при их включенности в когнитивную сферу лиц, совершивших сексуальные правонарушения против несовершеннолетних, позволяет предположить, что данные установки могли внести вклад в формирование делинквентного сексуального поведения последних.

Литература

1. *Кон И. С.* Сексология. М., 2004.
2. *Ткаченко А. А., Введенский Г. Е., Дворянчиков Н. В.* Судебная сексология. М., 2001.
3. *Burn May F., Brown S.* A review of the cognitive distortions in child sex offenders: An examination of the motivations and mechanisms that underlie the justification for abuse // *Aggression and Violent Behavior*. 2006. № 11.
4. *Hanson K., Harris A.* The Sex Offender Need Assessment Rating (SONAR): A Method for Measuring Change in Risk Levels. 2000. <http://www.violence-risk.com>
5. *Hucker S.* Psychiatric Aspects of Risk Assessment, 2004. <http://www.violence-risk.com>
6. *Pervan S., Hunter M.* Cognitive distortions and social self-esteem in sexual offenders // *Applied Psychology in Criminal Justice*. 2007. № 3.
7. *Webster C., Hucker S.* Violence risk: assessment and management. 2007. <http://www.violence-risk.com>
8. *Yamawaki N., Tschanz B.* Rape Perception Differences Between Japanese and American College Students: On the Mediating Influence of Gender Role Traditionally // *Sex Roles*. 2005. Vol. 52. № 5–6.

Sexual Offenders' Settings Towards a Victim

A. D. Serov, Ph.D student at the Juridical psychology chair of the Juridical psychology faculty, Moscow State University of Psychology and Education, junior researcher at the V. P. Serbsky State Scientific Center of Social and Forensic Psychiatry (serov-up@yandex.ru)

K. V. Syrokvashina, Ph.D in Psychology, assistant professor at the Juridical psychology chair of the Juridical psychology faculty, Moscow State University of Psychology and Education, senior researcher at the V. P. Serbsky State Scientific Center of Social and Forensic Psychiatry (syrokvashina@mail.ru)

I. A. Basinskaya, head of the department in Oryel special intensive psychiatric care

The article describes cultural, social and individual psychological peculiarities of development of delinquent sexual behavior. Special emphasis is made on the factor of sexual offenders' setting towards the victim. It was suggested that sexual offenders' representations of a victim and her/his beliefs are often distorted: victim's normal behavior, not associated with sexuality, is understood by offenders as provoking them to sexual intercourse. Different viewpoints on the reasons for development of such settings are discussed. The article also describes some negative sociocultural stereotypes in the sphere of sexuality. The results of empirical research aimed at investigation of sexual offenders' settings towards the violated women as well as pedophilic actions are provided. These results allow concluding on differences in mechanisms of a victim's representation in different types of sexual offenders.

Keywords: delinquent sexual behavior, sexual offence, offenders' setting towards a victim, risk factors, rape, child seduction, sexual offender's personality, gender stereotypes.

References

1. Kon I. S. Seksologija. M., 2004.
2. Tkachenko A. A., Vvedenskij G. E., Dvorjanchikov N. V. Sudebnaja seksologija. M., 2001.
3. *Burn May F., Brown S.* A review of the cognitive distortions in child sex offenders: An examination of the motivations and mechanisms that underlie the justification for abuse // *Aggression and Violent Behavior.* 2006. № 11.
4. *Hanson K., Harris A.* The Sex Offender Need Assessment Rating (SONAR): A Method for Measuring Change in Risk Levels. 2000. <http://www.violence-risk.com>
5. *Hucker S.* Psychiatric Aspects of Risk Assessment, 2004. <http://www.violence-risk.com>
6. *Pervan S., Hunter M.* Cognitive distortions and social self-esteem in sexual offenders // *Applied Psychology in Criminal Justice.* 2007. № 3.
7. *Webster C., Hucker S.* Violence risk: assessment and management. 2007. <http://www.violence-risk.com>
8. *Yamawaki N., Tschanz B.* Rape Perception Differences Between Japanese and American College Students: On the Mediating Influence of Gender Role Traditionally // *Sex Roles.* 2005. Vol. 52. № 5–6.